

Автобиография
Дневники

**Светлана
Сурганова**

*Всё,
СНАЧАЛА!*

Москва 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

«**Что останется после меня?**» — эта строчка из любимой песни на стихи И.А. Бродского и одновременно вопрос, который часто, особенно в последнее время, я себе задаю.

Если задуматься, ведь ты — это миф, то, что ты рассказал о себе, или то, что рассказали о тебе другие. Рассказали, запомнили, записали.

Описывая предметы, события, чувства, людей, мы подтверждаем их существование. Подтверждаем собственное существование в своих дневниках. Дневниковые записи, как и фотографии, запечатлевают события твоей жизни. Перечитывая их, ты как будто просматриваешь фотоальбом. Иногда требуется эмоциональное усилие, чтобы не побояться встретиться с самим собой 20–30-летней выдержки.

Эта книга — калейдоскоп воспоминаний в сочетании с подлинными дневниковыми записями, где охвачен период взросления, формирования личности. Временной диапазон событий, о которых идет речь в книге, включает историю семьи Сургановых/Чебурахиных до зарождения коллектива «Сурганова и Оркестр». Строгой хронологии в книге нет. Это действительно калейдоскоп, в большей степени — моя реакция на происходившие события.

Нельзя объять необъятное. Это мой первый опыт, и мне было бы сложно сделать все в одиночку. Я благодарю **Ирину Кошелеву** за подготовку и сбор материалов для этой книги.

СКАЗКА

Где-то далеко, очень высоко в Космосе родилась маленькая девочка от большого взаимного чувства Короля и Королевы. Дети, которые рождены в любви, всегда особенные — они красивы, умны, доверяют миру, и обмануть их непросто, так как они легко отличают ложь от истины.

Сам Создатель и вся Вселенная ждут рождения таких детей, потому что именно они становятся проводниками Добра и Света на земле.

Именно им выпадает и много испытаний.

Нашей девочке при рождении щедро отмерили талантов, доброты, мудрости и душевных сил, чтобы нести все это людям.

Она получила оберег — Кристалл чистой энергии, которая поможет ей выстоять в любой непростой ситуации. Назвали ее Светланой.

Но, как известно, силы зла противятся промыслу Создателя, поэтому в историю вмешались космические пираты, и родители потеряли свою принцессу...

К счастью, одна добрая женщина, которая растила хлеб на Земле, нашла нашу принцессу, приняв ее за обычную девочку, и назвала своей дочкой. Стали они жить-поживать да добра наживать!

Глава первая

РОДИТЕЛИ

Свердловск. Зимний рассвет. Незадавшийся ночной мороз и оттепель накануне превратили утрамбованный наст на булыжной мостовой в рыхлую кашу, затрудняя ход розвальней на конной тяге. Натужно скрипя полозьями, сани то и дело спотыкались на оттаявших каменных проплешинах. Гнедая кобыла оседала, всхрапывала, продолжая упрямо дергать оглобли. С каждым рывком укутанная в тулуп роженица вскрикивала: «Ой, сейчас рожу, ой, сейчас рожу!» Дед-возница хмыкал в окладистую бороду, причмокивал лошади и заботливо подтыкал овчину с подветренной стороны: «Потерпи, милая, полверсты всего». Дорога до роддома, что на перекрестке улиц Розы Люксембург и Декабристов, казалась вечностью, хотя заняла от силы пятнадцать минут.

Роды были тяжелые. Послед прирос и не выходил, пришлось отрывать его вручную. Больно, травматично, но куда деваться-то?! Роженица Зоя терпела и думала только об одном: как можно быстрее встать на ноги ради новорожденной дочки. Девочка Лия, моя будущая мама, Сурганова Лия Давидовна, родилась ранним утром 28 января 1935 года.

Ее родители, Зоя Михайловна Сурганова и Давид Васильевич Чебурахин, мои бабушка и дедушка, соответственно, первые несколько лет жили в гражданском браке. К моменту рождения дочери у них уже был трехлетний сын. Леню записали на фамилию отца, а Лию зарегистрировали по матери, поскольку Давид Васильевич в это время находился на военных сборах во Владивостоке. Вот и получилось, что мужская половина семьи была Чебурахины, а женская — Сургановы.

У Давида Васильевича была далеко не простая, но очень интересная судьба. Родился он в 1905 году на Украине, в селе Темрюк Никольского района Донецкой области. Младший ребенок в зажиточной семье, настолько поздний, что дети брата были старше его. Последышу не находилось места в тесной многонаселенной хате. Ему часто приходилось ночевать в хлеву среди домашнего скота. Он вспоминал, как зарывался в солому, засыпал там, убаюканный мирным сопением коров и запахом молока.

После революции, как и многих, семью Давида Васильевича раскулачили. Пятнадцатилетним мальчишкой, окончив восьмилетку, он пешком ушел в Одессу. Очень хотел учиться, мечтал посвятить свою жизнь сельскому хозяйству. С тех пор потерял все связи со своей семьей, во многом из-за старшего брата, которого всегда недолго любил.

Как любой портовый город, Одесса была наводнена иностранцами, особенно греками-рыбаками. Они подкармливали щуплого студента, а он писал за них сочинения — для получения разрешения на промысел требовалось знание русского языка. Перебиваясь подсобной работой, окончил аграрный техникум и ремесленные курсы.

В конце 20-х годов прошлого века началось массовое плановое сельскохозяйственное переселение на восток страны с целью освоения многоземельных районов Сибири и Урала. Грянула коллективизация, и образованные аграрии были очень нужны в крестьянских хозяйствах. Вместе с этой волной Давид Васильевич оказался в одном из колхозов Свердловской области на должности агронома, где по фельдшерской части уже работала Зоя Михайловна, его будущая жена — девушка статная, красивая, исполненная аристократического достоинства.

Жизненный путь Зои Михайловны тоже не был усеян розами. Она родилась 25 декабря 1906 года в состоятельной семье уральских промышленников Сургановых. После Великой Октябрьской революции имущество реквизировали, а семья была признана «неблагонадежной». Ее глава, Михаил Николаевич, мой прадед, одним только своим зажиточным происхождением провинился перед советской властью, вследствие чего был объявлен лишенцем — человеком без права избирательного голоса, получения высшего образования и занятия управленческих должностей. Он работал сторожем на том заводе, которым некогда владела его семья.

Жена его, Мария Петровна, несколько месяцев находилась под следствием. Когда ее арестовали, восемнадцатилетняя дочь Зоя собрала все семейные драгоценности и «выкупила» свою мать у НКВД. Михаил Николаевич в период ухаживания баловал невесту, желая расположить ее к себе, преподносил ей много подарков. Завязав украшения в платок узелком, Зоя пошла в НКВД, добилась свидания с матерью. Марию Петровну уже почти сломали постоянными пытками на оговор себя во вредительстве: кормили соленой пищей, не давали пить и не разрешали спать. Зоя Михайловна была не робкого десятка. Не по-

боявшись обвинения в пособничестве врагам народа, отважилась на «выкуп» матери из-под следствия. Она села перед следователем и на его ухмылку молча развернула узелок. Куда ему было деваться перед таким выбором — либо брать взятку и неплохо нажиться, либо ее тоже сажать. Он оказался «честным мздоимцем» — условия договора выполнил. До обвинения дело так и не дошло, следствие свернули, и Марию Петровну отпустили.

То, как Зоя Михайловна вызволила свою мать из НКВД, впоследствии стало семейной легендой, обрастая все новыми и новыми подробностями. Неоспоримо одно — чтобы отважиться на такой поступок, требовались недюжинные самообладание и мужество. Зоя Михайловна была волевой и целеустремленной натурой, настоящим стойком. Несмотря на доброту, в ней был нестигаемый стержень, видный как своим, так и посторонним. Она мечтала стать доктором. Однако на детей лишенцев был наложен негласный запрет обучения в вузах. Ее долго не принимали в институт под разными предлогами. После того как ее старшая сестра Антонина умерла от туберкулеза, ее решение стать врачом, врачом-фтизиатром, только окрепло. Она добилась своего — поступила на медицинское отделение Пермского университета и спустя несколько лет с блеском его окончила. После выпуска сразу отправилась работать в колхоз и встретила там будущего мужа Давида.

Жить было негде. В общежитии механизаторов им простынькой отделили угол, там и ютились сначала вдвоем, потом с детьми. Родители Зои Михайловны зятя не любили. Теща, а она была женщина суровая, иначе как «голодранцем» его не называла: гол как сокол, без гроша в кармане, ни кола, ни двора, ни имущества — ничего. Они все ждали, когда же дочь одумается и бросит своего незавидного избранника, тем более ухажеров хватало. Но та оставалась верной мужу и следовала за ним повсюду.

Зоя Михайловна никогда не жила чужим умом, не боялась трудностей и была независима от общественного мнения. Досужие толки ее не ранили, она просто не обращала на них внимания. Говорят — ну и пусть говорят, «на чужой роток не накинешь платок». Что подумают,

как посмотрят, что скажут, ее не интересовало: ни когда в коридорах университета многозначительно оглядывались на дочку лишенца; ни когда за спиной перешептывались зеваки, видя, как они с Давидом Васильевичем пришли расписываться, держа за руку подростков детей.

Семья переезжает в Красноуфимск, где Давиду Васильевичу предложили преподавательское место в сельскохозяйственном техникуме. А вскоре перспективному педагогу пришло приглашение в аспирантуру Ленинградского сельскохозяйственного института. Он заочно сдал экзамены, и семья перебралась в город на Неве. Провожая Давида Васильевича, благодарные студенты подарили ему на память вырезанную из дерева скульптуру быка и коровы. Потрясающе тонкая ручная работа! Она пережила войну, блокаду, несколько переездов и смену поколений. Ее неоднократно пытались купить, выменять и даже украсть. Но она до сих пор хранится в нашем доме — настоящая семейная реликвия.

В Ленинград сначала переехали Давид Васильевич, Зоя Михайловна и старший сын Леня. Пока обустроивались, младшенькую Лию было решено оставить в Свердловске с дедушкой и бабушкой. Лию в трехлетнем возрасте в Ленинград привезла младшая сестра Зои Михайловны, Анфия Михайловна. Увидев трамваи в первый раз, Лиечка закричала на всю улицу: «Ой, какие маленькие красные паровозики!» Перед тем как показаться на глаза родителям, они отправились в общественную баню в переулке Ильича. Тетя намылила племянницу и усадила на скамейку, пошла воды набрать. Лиечка благополучно съехала на пол — скамейка-то каменная, скользкая! И каталась по полу среди шаек, весело хохоча, собирая пену. {>}

Не успела семья воссоединиться, как в ноябре 1939 года Давида Васильевича призвали на войну, Советско-финскую кампанию. Тем временем у Зои Михайловны умерла мама, и она перевезла к себе отца. Но ему не суждено было надолго пережить жену. Он угас спустя несколько месяцев. Семья жила в общежитской комнатухе на Загородном проспекте, 42, во дворе знаменитого Дома Петровых. Посередине комна-

ты стоял большой стол красного дерева под белой накрахмаленной скатертью, а в его центре — маленькая хрустальная солоночка. Когда в блокаду стол рубили на дрова, Лиечка спрятала ее и уберегла. Солонка и сейчас украшает каждое наше застолье — скромный свидетель предвоенного быта семьи.

Давид Васильевич вернулся домой, комиссованный по тяжелому ранению — ему удалили две трети желудка. Восстановился в аспирантуре и для сельхозпрактики получил опытные участки в Каменке. Жил в пригороде, писал диссертацию. Так порознь их и застала Великая Отечественная война. С началом поспешной эвакуации, когда фашистские войска еще не сомкнули кольцо вокруг Ленинграда, Зоя Михайловну с детьми предлагали вывезти в тыл, но она отказывалась. Не хотела трогаться с места, пока от Давида Васильевича не было никаких известий. Когда к ней раз за разом приходили эвакуационные бригады, уговаривая подумать о детях, категорично заявляла: «Без мужа никуда не поеду». А Давид Васильевич во всеобщей неразберихе не мог пробиться к своим. Когда он наконец добрался до города, последние эвакуационные эшелоны уже ушли. Так семья на все девятьсот страшных дней осталась в блокадном Ленинграде.

Давид Васильевич не подлежал призыву по состоянию здоровья. И как он ни просился добровольцем, партийный комитет не отпустил его воевать, оставив для защиты диссертации, поскольку, в связи с продовольственным дефицитом, подготовка квалифицированных сельскохозяйственных кадров имела стратегическое значение для страны. Зоя Михайловна, будучи врачом и, соответственно, военнообязанной, была мобилизована с первых дней в звании майора медицинской службы, но на фронт ее не отправили из-за наличия маленьких детей. Лиечке на тот момент было шесть с половиной, Ленке — почти десять. Всю войну Зоя Михайловна проработала фтизиатром-рентгенологом в железнодорожной поликлинике на улице Боровой, 55, куда ходила пешком по Звенигородской. Для блокадного Ленинграда ее специализация оказалась крайне актуальной. Истощенные, изможденные голодом и холодом жители города были подвержены заболеваемости туберкулезом,

практически каждый второй больной обращался с запущенной стадией. Зоя Михайловна многих спасла от преждевременной смерти. В знак признательности благодарные пациенты приносили ей продукты, что для голодного города было немислимой щедростью.

Тогда Дорогу жизни еще не открыли, и в отрезанном от снабжения Ленинграде не осталось продовольствия. Когда горели знаменитые Бадаевские склады и по земле лавой тек расплавленный пожаром сахар, ленинградцы со всех районов города шли на Киевскую улицу затем, чтобы раздобыть хоть кусочек земли, пропитанной сиропом. В народе ее называли «сладкая земля». Заливали водой, кипятили, готовый отвар процеживали и пили, а иногда просто комочками клали в рот и сосали. На «голодных рынках» того времени появился так называемый «бадаевский продукт» — расфасованная в газетные кулечки «сладкая земля», которую продавали втридорога или выменивали на золото наравне с другим провиантом. В пищу шли самые невероятные вещи: ремни, кожаная обувь, клей, аптечный рыбий жир. Не осталось никакой живности: собак, кошек и птиц переловили. Люди охотились на крыс, поедали траву, листья, кору деревьев.

В начале блокады Давид Васильевич учился в аспирантуре, поэтому получал иждивенческую карточку наравне с Леной и Лией. Зое Михайловне хоть и выдавали офицерский паек, но сильно урезанный, по причине того, что она не числилась в действующей армии. Врачи были на вес золота, их не хватало. Она брала дополнительные смены, попадала на работе сутками, пока не слегла.

